

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ГЕРОЙ МОЕГО
СЕРДЦА

Сергей Патрушев
Герой моего сердца

«Автор»

2026

Патрушев С.

Герой моего сердца / С. Патрушев — «Автор», 2026

Милана — целительница из забытого горного поселения, чей дар способен исцелять не только плоть, но и саму душу. Дрейк — Личный Клинок павшего Императора, носитель запретного Тёмного Пламени, ставший живым сосудом для первородной скверны Бездны. Когда их пути пересекаются, начинается опасный симбиоз: её свет сдерживает его безумие, а его тьма защищает её от жестокости нового режима. Преследуемые Инквизицией Элиана и собственными демонами, они бегут в сердце разрушенной Империи. Чтобы спасти мир от поглощения пустотой, Милане придётся пожертвовать своим даром, вырезая отраву из груди возлюбленного, а Дрейку — добровольно стать монстром страшнее любого Архитектора, чтобы защитить единственный лучик тепла в своей вечности. Это история о том, как самый безжалостный убийца континента находит покой не на поле боя, а в руках женщины, научившей его быть человеком.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Шёпот во тьме	5
Глава 1. Рана, которая не заживает	11
Г	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Патрушев

Герой моего сердца

Пролог. Шёпот во тьме

Пепел падал с небес не так, как падает снег. Снег — это чистота, обещание покоя и тишины. Пепел же был памятью о том, что сгорело дотла. Он оседал на черных шпилях цитадели Аргос тяжелым, жирным саваном, забивался в сочленения доспехов стражников и скрипел на зубах тех немногих безумцев, что рисковали выйти на парапеты во время Темной Зимы.

Империя Крон умирала от медленного внутреннего яда. Она была подобна колоссальному дереву, чьи корни подтачивали черви алчности, а ствол точила гниль властолюбия. Внешне она все еще поражала своим величием: обсидиановые стены столицы могли выдержать удар любой армии извне, золотые купола храмов отражали тусклый свет умирающего солнца, а легионы Железных Когтей считались непобедимыми. Но внутри, в самом сердце власти — в Пурпурном Дворце, где воздух дрожал от сдерживаемой магии, — уже вовсю бушевал пожар.

Тайный советник императора Элиан стоял перед окном своего кабинета, выходящим на Мертвый Сад. Его пальцы, униженные перстнями из вулканического стекла, медленно поглаживали полированный поручень. Элиану было за шестьдесят, но его спина оставалась идеально прямой, а лицо, лишенное морщин благодаря запретным эликсирам, сохраняло маску отеческой заботы. Именно эта маска сделала его самым опасным человеком в Империи. Никто не боялся советника, который всегда предлагал компромисс, находил нужные слова для разгневанных герцогов и утешал плачущих наложниц. Они видели в нем мягкую подушку, на которую приятно опереться. И никто не замечал острого стилета, спрятанного в этой подушке.

Элиан ждал. В камине позади него горело не дерево. Там плясало Тёмное Пламя — субстанция, способная обращать плоть в пепел одним прикосновением, а разум — в послушную глину. Магия, которая по древнему закону принадлежала только роду Императора. Кровь правителей Крона несла в себе искру этого первородного огня, позволяя им повелевать тенями и сжигать целые города щелчком пальцев.

Но кровь имеет свойство разбавляться. Император Валериан IV был слаб. Его пламя чадило. Он тратил свои силы на возведение хрустальных мостов через залив ради развлечения придворных дам и усмирение крестьянских бунтов дешевыми иллюзиями. Он променял абсолютную власть на комфорт золотой клетки. А клетка, какой бы дорогой она ни была, остается клеткой. И ключ от нее теперь лежал в рукаве Элиана.

— Ты уверен, что он придет? — голос раздался из самого угла кабинета, где тени были особенно густыми.

Из мрака шагнул человек. Дрейк. Личный воин-маг Императора, командир Теневого Крыла. Человек без фамилии, найденный среди руин сожженного кочевого племени на южной границе двадцать лет назад. Валериан воспитал его как сына, подарив ему лучшее образование, редчайшее оружие и доступ к своей крови для ритуалов усиления. Дрейк был предан Императору до последней нейронной связи, до самой глубокой фибры души. Это делало его идеальным оружием. И главной угрозой планам Элиана.

Дрейк подошел ближе. Свет камина выхватил из темноты его суровое лицо, старый шрам, пересекающий левую бровь, и тяжелый черный плащ, сотканный из паутины подземных пауков. На поясе висел клинок «Сеятель» — полоса зачарованной стали, пьющая жизненную силу врагов и передающая ее владельцу.

— Придет, — глухо ответил Дрейк, останавливаясь в трех шагах от советника. Этикет требовал большего расстояния, но Дрейк никогда не соблюдал этикет в присутствии Элиана.

Между ними всегда стояла стена ледяного недоверия. — Я пустил слух, что нашел следы утечки маны из Хранилища Корня. Древний артефакт нестабилен. Император боится, что грянет прорыв Бездны. Он прикажет тебе явиться с отчетом в Зал Карт.

Элиан едва заметно улыбнулся. Уголки его губ дрогнули, но глаза остались холодными, как два осколка льда. — Мой мальчик, ты слишком прямолинеен. Прорыв Бездны... Какая грубая приманка. Интеллект такого уровня должен ловить более изящные течения.

— Меня учили убивать чудовищ, Элиан, а не плести словесные кружева, — отрезал Дрейк. — Где будет засада?

Советник отвернулся от окна. Теперь он смотрел прямо на мага-воина, и в его взгляде впервые за долгие годы проступило нечто похожее на искренность. Это была искренность палача, любящегося работой своего топора. — Засады не будет, Дрейк. Потому что мы не звери, чтобы загонять тебя в угол. Мы пригласим тебя войти внутрь. Идеальная ловушка должна казаться безопасной комнатой.

Он сделал пасс рукой. Пол под ногами Дрейка едва заметно изменился — рисунок мраморных плит сместился на ширину ногтя. Этого хватило, чтобы маг почувствовал изменение силовых линий дворца. — Ты чувствуешь? — мягко спросил Элиан. — Геометрия этого зала переписывается последние три года. Каждый раз, когда здесь меняли ковры или реставрировали фрески. Камни пола — это печати. Стены — конденсаторы. Потолок — линза. Весь этот дворец, Дрейк, построен вокруг одного-единственного центра силы. И сегодня ночью этот центр активируется.

Дрейк положил руку на рукоять «Сеятеля». Его тело напряглось, готовое взорваться каскадом смертоносных движений. Инстинкты кричали об опасности, волосы на руках встали дыбом от статики — пространство насыщалось энергией. — Если ты тронешь Императора, я выжгу этот дворец из реальности вместе с тобой.

— О, я вовсе не собираюсь трогать нашего дорогого Валериана, — почти пропел Элиан. — Зачем мне мертвая икона? Мертвые герои бесполезны, они создают мучеников. Нет, мой юный друг. Император останется на троне. Сломленный, опустошенный, со стертой памятью. Жалкий старик, подписывающий любые указы, которые я буду класть перед ним. Вся реальная власть над Тёмным Пламенем перейдет ко мне. Кровь Валериана примет новую формулу. Формулу моей крови.

Это было невозможно. Ритуал Перековки Крови считался мифом времен Войны Раскола. Чтобы перехватить контроль над родовой магией, недостаточно просто убить носителя. Нужно провести сложнейший обряд поглощения эссенции, пока источник еще жив, иначе дар просто рассеется в пустоте или уничтожит самозванца. Для этого требовался алтарь невиданной мощи и полное отсутствие внешних помех.

— Алтарь находится прямо под нами, — подтвердил мысли Дрейка советник. — В катакомбах. А лучшая защита от чужеродной магии — это избыток собственной. Когда Император призовет тебя в Зал Карт, ты почувствуешь зов. Истинный зов крови. Ты побежишь спасать отца, которого любишь. Ты пробежишь по коридорам, где каждая плитка усиливает твою тревогу. Ты войдешь сюда...

Элиан указал на тяжелые двустворчатые двери Зала Карт. — ...и закроешь их за собой. Из чувства долга. Чтобы никто не помешал вам с Императором. И замок щелкнет. Навсегда.

Дрейк понял всё мгновенно. Зал Карт был изолированным пространством. Массивные стены из метеоритного железа блокировали любую внешнюю связь. Если Элиан активирует контур изнутри дворца, Дрейк окажется заперт в одной комнате с двумя самыми могущественными магами континента, один из которых жаждет его смерти, а второй станет беспомощной батареей для ритуала.

— Почему ты говоришь мне это сейчас? — спросил Дрейк. Его голос звучал ровно, но в глубине зрачков начало разгораться багровое свечение — первая стадия боевого транса.

— Потому что я хочу видеть твое лицо, когда ты поймешь всю красоту моего замысла, — прошипел Элиан, сбрасывая маску добродушия. Его собственные глаза вспыхнули ядовито-фиолетовым светом. — Ты силен, Дрейк. Сильнее любого бойца в этом столетии. Но твоя главная слабость — это верность. Ты будешь защищать того, кто даже не способен защитить сам себя. Ты станешь сторожевым псом, который грызет собственную лапу, пытаясь добраться до вора, похитившего его миску.

Тени в кабинете пришли в движение. Они отделялись от углов, стекались к центру, уплотняясь в вязкие жгуты. Воздух стал густым и горячим. Элиан начал меняться. Его фрак истлел, осыпавшись черной трухой, обнажив бледную грудь, покрытую пульсирующей сетью фиолетовых вен. Сквозь кожу проступали очертания чего-то древнего и хтонического. Советник больше не притворялся человеком. Он открывал истинный сосуд.

— Убей его, — приказал Элиан темноте.

Дрейк не стал ждать. Он рванулся вперед быстрее звука. Мир для него сузился до двух точек: горла советника и линии атаки. «Сеятель» покинул ножны с шелестом, переходящим в низкий гул голодного зверя. Клинок прошел сквозь плечо существа, бывшего когда-то Элианом, не встретив сопротивления плоти.

И завяз.

Металл коснулся измененной сущности советника и застыл, словно увязнув в янтаре. Фиолетовые вены на груди Элиана потянулись к лезвию, обвивая сталь тонкими корнями. — Глупый, верный щенок, — прохрипел советник, и его рот растянулся до ушей, обнажая ряды игольчатых зубов. — Я выпью твой огонь досуха.

Темнота бросилась на Дрейка. Это были не просто тени, отбрасываемые предметами. Это было само Тёмное Пламя, обретшее волю. Жгуты мрака били с силой осадных таранов. Первый удар пришелся в нагрудник, проламывая закаленную сталь, как яичную скорлупу. Дрейка впечатало в книжный стеллаж. Древние фолианты посыпались на него погребальным конфетти.

Боль была острой, разрывающей легкие. Но тренировки взяли свое. Боль стала топливом. Багровый туман боевого транса затопил сознание, отсекая страх и сомнения. Дрейк перестал быть человеком. Он стал чистой функцией уничтожения.

Оттолкнувшись спиной от разбитых полок, он ушел перекатом вправо, уходя от нового удара тьмы, расплескавшего дубовый стол в мелкую щепу. Он вырвал «Сеятеля» из хватки советника, оставив в ране куски почерневшей плоти. Клинок завибрировал, жадно всасывая капли темной энергии.

— Огонь! — прорычал Дрейк, обращаясь не к врагу, а к самому мирозданию.

Вокруг его левого кулака сформировалась сфера чистого белого пламени — дара, полученного от Императора. Это была антимагия, солнечный яд для порождений ночи. Дрейк прыгнул, используя импульс от взрыва собственного огненного шара, запущенного под ноги Элиану.

Советник вскинул руки, выставляя щит из концентрированного мрака. Белый огонь столкнулся с фиолетовой тьмой. Раздался звук, с которым рвется сама ткань пространства. По кабинету пронесся ураганный ветер, выбивая остатки стекол. Щит Элиана затрещал, покрываясь сетью белых трещин.

Дрейк вложил весь остаток сил в удар сверху. «Сеятель» обрушился на голову советника.

Лезвие прошло. Череп раскололся с влажным хрустом. Элиан рухнул на колени, глядя на свой убийцу мутнеющими глазами. Из раны вместо крови хлынула густая, маслянистая мгла. — Ты... опоздал... — выдохнул он. — Замок... уже... закрыт...

Его тело рассыпалось в прах, который тут же втянуло в щели между мраморными плитами пола, исчезнув в катакомбах.

Дрейк тяжело дышал. Ребра болели невыносимо, левая рука висела плетью. Победа досталась страшной ценой, но враг был мертв. Советник, плетущий интриги мерзавец, заплатил за свою дерзость.

Маг-воин развернулся к дверям. Ему нужно было к Императору. Нужно проверить, не успел ли Элиан отравить его разум своими речами. Нужно убедиться, что повелитель в безопасности.

Дрейк подошел к тяжелым створкам Зала Карт, за которыми начиналась анфилада личных покоев Валериана. Он толкнул дверь плечом. Затем уперся обеими руками. Металл даже не скрипнул.

Только сейчас он заметил то, на что в пылу схватки не обратил внимания. По периметру дверной рамы шла едва заметная вязь рун. Руны Абсолютной Печати. Их наносили только гномьи мастера Первого Цеха, и снять такую печать можно было лишь волей Императора или полным разрушением камня.

Дрейк ударил кулаком в железо. Боль пронзила сломанные кости кисти, но он не почувствовал ее. — Отец! — крикнул он, вкладывая в голос остатки магической силы. Звук должен был пройти сквозь любую преграду. — Валериан!

Ответом ему была абсолютная, звенящая тишина.

И тогда Дрейк услышал другой звук. Глубокий, ритмичный гул, идущий снизу, из-под фундамента дворца. Так бьется огромное, нездоровое сердце. Сердце алтаря в катакомбах. Ритуал Перековки Крови начался. Элиан солгал лишь в одном: он не собирался оставлять Императора в живых после изъятия дара. Старая кровь должна была умереть, чтобы освободить место для новой.

Дрейк отступил от двери. Он посмотрел на свои руки, покрытые копотью и чужой кровью. Ловушка действительно была идеальной. Он вошел в нее добровольно, ведомый благороднейшим из инстинктов.

Оставался единственный путь. Окно. Оно выходило на восточную стену, прямо над казармами гвардии. Высота — сорок человеческих ростов. Попытка спуститься по стене в его состоянии означала гарантированную смерть на брусчатке внутреннего двора. Но остаться здесь означало задохнуться, когда защитный контур Зала Карт полностью синхронизируется с выбросом энергии из катакомб. Оставался час, может быть, чуть больше.

Дрейк разбежался и прыгнул ногами вперед, выставив перед собой полусферу защитного огня. Стекло разлетелось тысячей кинжалов. Свист ветра в ушах оглушил его.

Падение казалось бесконечным. Город внизу превратился в мозаику из черного камня и редких пятен света. Он видел шпиль Башни Астрономов, видел темные воды залива, в которых отражались первые звезды.

У самой земли он разрядил последнюю каплю маны в землю, создав короткий всплеск антигравитационного поля. Удар все равно получился сокрушительным. Асфальт просел под ним, трещины змеями разбежались во все стороны. Ноги приняли на себя инерцию сорокаэтажного падения. Коленные чашечки лопнули. Позвоночник выдержал чудом, отозвавшись вспышкой слепящей боли, от которой потемнело в глазах.

Дрейк остался лежать на коленях посреди площади, не в силах пошевелиться. Легкие горели, каждый вдох давался с трудом. Над ним, высоко в небе, пурпурные шпили дворца начали медленно менять цвет. Черный камень стен наливался глубоким, тревожным багрянцем.

Тёмное Пламя перестало быть тайной привилегией Императора. Оно нашло нового хозяина. И первой жертвой этого нового порядка становился тот, кто пытался спасти старого.

Гвардия нашла его спустя десять минут. Десяток бойцов в тяжелой броне окружили фигуру в изломанном черном плаще. Капитан отряда, седоусый ветеран по имени Бор, узнал командира Теневого Крыла мгновенно, несмотря на грязь и кровь.

— Живой? — буркнул капитан, присаживаясь на корточки. От него пахло потом, железом и дешевым табаком.

Дрейк открыл глаза. Радужка почти полностью растворилась в сплошном кровавом зареве. Он попытался заговорить, но изо рта пошла только пузырящаяся кровь — проколотое легкое дало о себе знать.

Бор быстро оценил обстановку. Взгляд ветерана метнулся вверх, на сияющий недобрым светом дворец, затем снова на умирающего подчиненного. — Что там случилось, командир? Кто напал?

Дрейк собрал последние крупницы воли. Он вцепился здоровой рукой в латный воротник капитана, притягивая его к себе. Губы едва шевелились. — Элиан... — выдавил он. Каждое слово стоило ему остатков жизни. — Предатель... Запер... Императора... в Зале Карт... Ритуал... внизу...

Капитан Бор побледнел. Если Тайный советник пошел против трона, гвардия оказывалась меж двух огней. Но законы службы были писаны кровью предков. — Держись, парень. Сейчас вызовем целителей из Ордена Белого Солнца. Они соберут тебя по частям.

Дрейк слабо мотнул головой. Целители не успеют. Даже если они телепортируются прямо сюда, внутренние повреждения от падения и истощения мана-каналов необратимы. Он чувствовал, как жизнь вытекает из него вместе с теплом. Холод подземелий сковывал конечности.

— Не надо... — прохрипел он. — Гвардия... вниз. Пробейтесь... в катакомбы. Под залом... алтарь. Остановите... его. Любой ценой.

— А вы, командир?

Дрейк позволил руке соскользнуть с ворота капитана. Он перевел взгляд на свои ноги. Обувь превратилась в месиво, кости голеней торчали наружу, белея в свете дворцового зарева. Он больше никогда не сможет стоять в строю. Никогда не сможет держать меч. Великий воин-маг, надежда Империи, превращался в калеку.

Но он все еще мог служить.

— Я останусь здесь, — сказал Дрейк, и в его голосе зазвенел металл приказа, которому невозможно было перечить. — Прикрою ваш тыл. Если из дворца пойдет волна... задержите ее. Не дайте ей захлестнуть город.

Капитан Бор сглотнул вставший в горле ком. Он отдал честь, прижав кулак к сердцу, поднялся и повернулся к своим людям. — Вы слышали командира! За мной! К западному входу в канализацию! Шевелись, мертвецы! Нам нужен авангард в преисподней!

Гвардейцы бегом скрылись в переулках, лязгая сталью. Площадь снова погрузилась в относительную тишину, нарушаемую лишь треском горящего где-то дерева и низким, нарастающим гулом из-под земли.

Дрейк остался один. Он подтянул к себе валявшийся рядом обломок собственного клинка — кусок «Сеятеля», отколовшийся при падении. Металл все еще хранил тепло вражеской крови.

Он оперся спиной о цоколь памятника какому-то давно забытому генералу. Небо над столицей Крона стремительно темнело. Багрянец с башен дворца пополз дальше, окрашивая облака в цвета запекшейся крови. Начинаясь ночь, которая навсегда войдет в хроники как Ночь Перелома. Эпоха Валериана IV заканчивалась, так и не успев начаться.

Где-то глубоко под землей, в геометрическом центре Империи, на черном обсидиановом алтаре лежал Император. Его рот был открыт в беззвучном крике, а кожа стремительно серела, отдавая накопленную за десятилетия силу.

А над ним, воздев руки к потолку катакомб, стоял Тайный советник Элиан. Хотя назвать стоящим существо, чья нижняя часть тела уже обратилась в столб клубящегося дыма, было сложно. Плоть сходила с него слоями, обнажая сплетение пульсирующих фиолетовых нитей чистой магии.

— Кровь к крови, — пел Элиан на мертвом языке первых людей, и камни алтаря отвечали ему низким ревом. — Искра к искре. Пустоту заполняю собой. Имя мое вплетаю в корень. Да будет сей огонь вечно служить воле моей!

Тёмное Пламя откликнулось. Оно вырвалось из груди умирающего Валериана тонкой струйкой золотистого дыма и устремилось вверх, впитываясь в раскрытые ладони узурпатора.

В ту же секунду наверху, на площади перед дворцом, Дрейк потерял сознание. Связь вассала и сюзерена оборвалась с оглушительным ментальным хлопком, оставившим в голове воина лишь звенящую пустоту. Последним, что зафиксировало его угасающее восприятие, был запах озона и сладковатый аромат горелой плоти, принесенный внезапным порывом горячего ветра из открытых дверей главного входа.

Двери дворца распахнулись сами собой.

На пороге стоял Элиан. Его трансформация завершилась. Теперь он выглядел как идеальный правитель: высокий, широкоплечий, облаченный в одежды из живого мрака, которые перетекали по телу, подобно ртути. Лицо его было молодым и прекрасным, лишенным возраста. Только глаза пылали двумя провалами в бездну.

Он ступил на ступени, ведущие к площади. Тёмное Пламя больше не скрывалось в его жилах. Оно окутывало его плечи плащом абсолютной власти.

Элиан поднял руку. Простой жест, исполненный небрежного величия.

И ближайший к нему гвардейский пост — десяток лучших мечников Империи, вышедших посмотреть на странное свечение, — вспыхнул, как сухая трава. Крики длились меньше секунды. Через мгновение на булыжной мостовой осталась лишь гора серого праха, которую тут же развеял поднявшийся мистический ветер.

— Люди Крона! — голос Элиана прогремел над городом без всяких усилителей, проникая в самые защищенные подвалы. Голос, в котором смешались гром и шипение тысячи змей. — Ваш Император утомился. Он передал бразды правления тому, кто знает цену истинной силе. Больше не будет голода. Больше не будет войн. Будет лишь Порядок. Служите мне, и ваше пламя найдет покой в моем огне. Восстаньте против меня, и познайте, что такое настоящая тьма.

Он говорил, а люди внизу падали на колени. Страх оказался куда эффективнее любых лозунгов. Само присутствие источника такой мощи ломало волю обычного человека, превращая его в покорное стадо.

Элиан удовлетворенно кивнул. План сработал безупречно. Заговор, вынашиваемый годами, занял одну ночь. Старый мир пал.

Далеко отсюда, в грязном переулке у подножия памятника, пришел в себя Дрейк. Боль ушла, уступив место всепоглощающему, ледяному спокойствию смертельной ясности. Он больше не был личным воином Императора. У него больше не было господина.

Он провел языком по пересохшим, разбитым губам и посмотрел на пылающий багровым светом дворец.

Идеальная ловушка выпустила добычу. Но добыча вынесла из клетки ненависть, способную разрушить саму Империю до основания.

Глава 1. Рана, которая не заживает

Снег в Хребтах Скорби никогда не был белым. Даже в самые ясные дни, когда солнце заливало пики ослепительным светом, он казался пепельно-серым из-за вековой пыли, приносимой ветрами с Мертвых Равнин на востоке. Поселение Каменные Челюсти ютилось в узкой расщелине между двумя горами, которые местные называли Клыками Старого Отца. Здесь жили рудокопы, углежог и те, кому Империя Крон указала на дверь много поколений назад.

Милана знала этот мир до последнего камня. Она родилась здесь, среди вечной стужи и запаха серы, сочащейся из трещин в скалах. В отличие от других детей, чьи руки быстро грубели от кирки или топора, ладони Миланы всегда оставались бледными и тонкими, хотя работы она выполняла больше всех. Ее дар проявился рано, когда ей было всего семь лет. Старый пес кузнеца попал под обвал в штреке. Ему раздробило задние лапы так, что кости торчали наружу, оскальзываясь в черной крови. Пока мужики спорили, добить ли животное, чтобы не мучилось, маленькая Милана опустилась перед ним на колени прямо в грязь.

Она не молилась богам — в горах верили только в прочность свода над головой. Она просто положила свои маленькие ладошки на разорванную плоть. Сначала ничего не происходило, кроме того, что собака перестала скулить и лишь тяжело, со свистом дышала. А затем кожа на руках девочки начала истончаться, становясь почти прозрачной. Сквозь нее проступил сложный узор синеватых вен, который вдруг вспыхнул мягким внутренним светом. Этот свет потек по пальцам, коснулся раны, и камни вокруг окрасились багровым. Собака вздрогнула всем телом, ее глаза закатились, а переломанные кости с сухим треском начали вставать на место, оплетаясь новыми мышечными волокнами.

Когда процесс закончился, пес встал на все четыре лапы, живой и здоровый. Он встряхнулся и лизнул девочку в лицо шершавым языком.

А Милана потеряла сознание. Когда она очнулась через сутки, лихорадка отступила, но на ее ладонях навсегда остались следы: тонкие, похожие на морозный узор шрамы, повторявшие каждую трещину костей той собаки. С тех пор правило стало неизменным: исцеляя чужую боль, она принимала часть этой боли в себя. Плоть за плоть. Дух за дух.

К своим двадцати пяти годам Милана стала единственной надеждой Каменных Челюстей. Она вправляла вывихи после пьяных драк, вытаскивала младенцев, если роды шли плохо, и успокаивала стариков, чья душа начинала рваться на части от страха перед темнотой могилы. Ее сила работала не только с мясом и костью. Если человек возвращался из забоя сломленным ужасом подземелий, его разум зиял прорехами, сквозь которые сквозило безумие. Милана могла «сшить» эти края. Это требовало невероятного сосредоточения. Ей приходилось погружаться в чужой кошмар, становиться этим страхом, пропускать его через свое сердце, пока оно не находило выход и не растворялось в пустоте. После таких сеансов шрамы на ее руках расплзались выше, к локтям, напоминая витиеватые черные татуировки.

Ее дом стоял на самом краю поселка, прилепившись к отвесной стене ущелья. Низкая бревенчатая избушка с плоской крышей, на которой даже летом лежал сугроб слежавшегося снега. Внутри пахло сушеными травами, козьим жиром и озоном — запахом высвобожденной магии. Единственную комнату освещал очаг да несколько свечей из пчелиного воска. Посреди пола была начертана солярная мандала из угля — центр силы, помогавший заземлять отдачу.

В ту ночь завывал особенно злой ветер. Он нес с собой не просто холод, а нечто липкое, нездоровое. Милана сидела у огня, разминая в ступке корни валерианы. Шрамы на ее предплечьях сегодня зудели сильнее обычного — дурное предзнаменование.

Тишину прорезал звук, которого здесь быть не должно. Не вой ветра и не скрип старых балок. Резкий, настойчивый удар металла о дерево. Кто-то бил мечом плашмя в тяжелую дубовую ставню.

Милана замерла. Путники редко заходили в Каменные Челюсти зимой. Тропа через перевал закрывалась первым же снегопадом, а внизу, на равнинах, бушевала гражданская война, о которой доходили лишь смутные, страшные слухи. Никто в здравом уме не полезет в горы сейчас.

Стук повторился, теперь уже слабее, переходя в бессильный скрежет.

Целительница накинула на плечи тяжелый тулуп из шкуры горного яка, сунула ноги в унты и вышла в ледяной ад ночи.

У крыльца, наполовину занесенный поземкой, лежал человек. Рядом с ним, по колено в снегу, стояли двое местных — старый Гарт и его сын Борин. Они держали масляные фонари, желтый свет которых выхватывал из мрака жуткую картину.

Человек носил цвета Императорской гвардии Крона. Черный плащ с пурпурной подкладкой превратился в лохмотья, покрытые коркой льда и запекшейся крови. Его доспехи были изуродованы — нагрудник вспорот ударом чего-то невероятно острого, бронза сплавилась с кожей. Но самым страшным была рана. Там, где должна была находиться середина груди, пульсировало пятно абсолютной черноты. Оно не выглядело как кровь или ожог. Казалось, сама ткань реальности выгорела в этом месте, обнажив первородную пустоту. Из этой раны не текла кровь. Вместо нее вверх поднимались тонкие струйки темного дыма, которые тут же замерзали на воздухе, оседая на броне черной стеклянной пылью.

— Жена сказала нести к тебе, — просипел Гарт, выпуская клубы пара. — Говорит, ты такое можешь... успокоить. Мы уж думали, преставится по дороге. Всю дорогу хрипел одно слово. «Дрейк».

Милана опустилась на колени прямо в снег, игнорируя пронизывающий холод. Она осторожно протянула руку, не касаясь черного пятна, и положила пальцы мужчине на шею.

Пульса не было. Сердце не билось. Кровь стояла колом в жилах, превращенная этой скверной в острые иглы. Но мозг еще жил. Искра сознания едва теплилась, удерживаемая на грани чем-то чудовищно сильным — волей, которая отказывалась отпускать тело даже после смерти.

— Заносите, — коротко бросила она. — Быстро. И снимайте всё железо, оно пьет остатки тепла.

Втроем они втащили тяжелого мужчину в тепло дома. Положили его на широкую лавку, покрытую медвежьей шкурой. Милана жестом приказала мужчинам уйти. Оставшись одна, она заперла дверь на тяжелый засов и повернулась к умирающему.

Она сняла с него остатки плаща. Под ним оказалось тело воина, доведенного до предела физических возможностей. Сухожилия на шее натянуты как канаты, мышцы спрессованы в камень. Кем бы ни был этот человек, он сражался до самого конца.

Черная скверна расширялась. Милана видела, как тьма медленно ползет от центра груди к ключицам, поглощая кожу. Там, где она проходила, волосы становились хрупкими и ломались от одного прикосновения. Целительница знала эту магию. Это не было проклятие ведьмы или яд убийцы. Это было дыхание самой Бездны. Та самая субстанция, которую Элиан выпустил в мир прошлой ночью. Эта материя ненавидела жизнь. Она не убивала быстро, она вытесняла душу, заменяя ее бесконечным эхом небытия.

Если она попытается лечить это обычными методами, поток энергии просто уйдет в черную дыру, усиливая гниение. Нужно было действовать иначе. Не латать плоть, а бороться с пустотой сущностью против сущности.

Милана подошла к очагу. Достала из сундука глиняную чашу, вырезанную из цельного куска нефрита — единственную вещь, оставшуюся от ее матери. Налила туда чистой родниковой воды из кувшина. Затем взяла свой ритуальный нож — короткий клинок из обсидиана с рукоятью из берцовой кости оленя.

Она полоснула лезвием по левой ладони. Рана открылась мгновенно, без сопротивления — кожа целительницы давно привыкла отдавать свою кровь этому ремеслу. Багровые капли упали в воду. Нефрит чаши едва заметно дрогнул.

Затем она сделала второй разрез — по правой руке.

Шрамы на ее предплечьях, обычно выглядевшие как темные прожилки мрамора, начали шевелиться. словно тысячи крошечных змей, они поползли вверх, к плечам. Боль пришла секундой позже — острая, разрывающая, словно кто-то пытался содрать с нее кожу заживо. Это активировался ее истинный дар. Чтобы исцелить суть человека, нужно обнажить собственную суть.

Милана села на край лавки, перекинула ногу через тело мужчины и уселась ему на бедра, зажимая коленями его торс, чтобы зафиксировать положение. Она положила обе окровавленные ладони прямо на черный провал в его груди.

Контакт обжег холодом глубже, чем любая зима. Это была температура открытого космоса.

— Тише, — прошептала она, наклоняясь так низко, что ее губы почти касались его уха. — Я вижу тебя. Я слышу, как ты кричишь внутри. Не сопротивляйся мне.

Она закрыла глаза и шагнула во тьму.

Мир исчез. Исчезла жарко натопленная комната, запах дыма и тихий треск поленьев. Милана оказалась посреди выжженной пустыни. Небо здесь было цвета старой гематитовой плиты, а под ногами хрустел не песок, а битое стекло человеческих воспоминаний.

Это был внутренний ландшафт путника. Или то, что от него осталось. Скверна действовала как кислотная плесень, разъедающая саму карту памяти этого человека.

Она пошла вперед, ориентируясь на единственный источник звука. Где-то далеко впереди был мужчина. Вой был нечеловеческим, полным такого концентрированного отчаяния, что воздух вокруг вибрировал.

Чем ближе она подходила, тем отчетливее видела фигуру. Мужчина сидел на коленях посреди кратера, сжимая в руках обломок меча. Его спина была исполосована такими же шрамами, как у нее, только гораздо более свежими и глубокими. Но самое главное — его грудь была открыта, и в ней зияла та самая черная дыра. Только здесь, в мире духа, она выглядела как водоворот жидкого серебра, затягивающий в себя звезды.

Он поднял голову. Его глаза горели тем же кровавым огнем, который Милана мельком увидела у дверей своего дома, прежде чем их скрыла повязка из промерзшей ткани.

— Уходи, — прохрипел он. Голос звучал как скрежет камней. — Ты сгоришь.

— Уже горю, — ответила Милана. Она действительно чувствовала, как жизненные силы покидают ее физическое тело в реальном мире. Нефритовая чаша на полу ее избушки наполнялась сейчас не водой, а густой черной желчью, отсасываемой из тела гвардейца. Если чаша переполнится раньше, чем она закончит, оба умрут.

— Это конец, — сказал воин. — Дай мне умереть. То, что внутри меня... оно заразно. Оно поглотит твой поселок. Поглотит весь мир.

— Ты слишком громкий для мертвеца, — Милана сделала еще один шаг. Жар от воронки стал невыносимым. — Твое сердце остановилось час назад. Но легкие все еще пытаются вдохнуть. Твой мозг отказывается верить в тишину. Как зовут твоего Императора?

Мужчина дернулся, словно от удара плетью. — Валериан мертв, — выдавил он. — Предатель... Элиан... украл огонь...

Память пробивалась сквозь корку безумия. Значит, слухи оказались правдой. Дворец пал.

— Меня зовут Дрейк, — внезапно четко произнес он, глядя прямо на нее. — Личный клинок Валериана. Я подвел его. Я позволил им забрать пламя.

— Ты не смог бы остановить бога, ставший человеком, Дрейк, — мягко возразила Милана. Она подошла вплотную. Тепло ее собственного тела начало плавить снег вокруг воронки. — Но ты все еще здесь. Твоя воля держит это вместе. Позволь мне помочь твоей плоти, а взамен... позволь мне забрать немного твоего горя. Мне нужно топливо, чтобы закрыть эту дыру.

Дрейк посмотрел на свои руки, потом на нее. В его взгляде боролись два существа: затравленное животное, загнанное в угол собственной болью, и солдат, привыкший оценивать риски. — Что ты хочешь взамен? — спросил он подозрительно. — Моя верность принадлежит мертвому. Моя ненависть — живому. Тебе не нужны такие долги.

— Мне нужна твоя ярость, — честно ответила Милана. — Злобы моего поселка не хватит, чтобы сварить суп. А твоя... ею можно двигать горы. Направь ее на меня. Бей. Кусай. Ненавидь меня изо всех сил, пока я буду зашивать твою душу. Иначе эта пустота заберет нас обоих.

Она не стала ждать ответа. Она шагнула прямо в зону поражения, прижимая свои окровавленные ладони к краям его духовной раны.

Агония была мгновенной.

Черная дыра узнала врага. Жизнь целительницы была прямой противоположностью небытию. Воронка рванула внутрь себя, пытаясь всосать Милану.

Девушку отбросило назад, впечатав спиной в невидимую стену ландшафта. Воздух выбило из легких. Шрамы на ее руках вспыхнули слепящим белым светом, сжигая сами себя. Она закричала, но крик остался внутри ментального пространства — в реальном мире лишь мелко задрожали половицы.

Дрейк вскочил на ноги. В его руке материализовался призрак огромного двуручного меча. — Я предупреждал! — прорычал он, занося оружие. Безумие полностью затопило его разум. Он видел в ней очередного демона, пришедшего закончить работу скверны.

Милана поднялась с земли. По ее подбородку текла настоящая кровь из прокушенной губы. Она улыбнулась разбитым ртом. — Давай, — прошептала она. — Покажи мне, как сильно ты хочешь жить.

Он обрушил клинок.

Лезвие прошло сквозь плечо Миланы, не встретив сопротивления, как проходит туман. Призрачное оружие не могло навредить телу, которое находилось в избушке. Но оно могло уничтожить ее присутствие здесь. Каждый удар отзывался в реальном теле вспышкой болевого шока, заставляя сердце совершать лишние сокращения, расходуя драгоценный запас кислорода мозга.

Но вместо того чтобы защищаться, Милана снова шагнула к нему. Она прошла сквозь град ударов, каждый из которых должен был рассечь ее надвое. Она добралась до Дрейка и обхватила его руками, прижав свою залитую кровью грудь к его развороченному торсу.

— Ненавидь меня! — крикнула она ему в лицо. — За то, что я лезу туда, куда меня не звали! За то, что я жива, когда твои друзья превратились в пепел!

И он ударил. Но не мечом.

Его ментальная защита рухнула. Вся скорлупа элитного бойца-мага рассыпалась в пыль, обнажая голую, кровоточащую душу. На Милану обрушился водопад его памяти.

Она увидела шпили дворца Аргоса, охваченные фиолетовым пламенем. Почувствовала вкус пепла на языке. Услышала оглушительный звон оборвавшейся связи с сюзереном. Она бежала по коридорам, сорок этажей падения, хруст собственных костей, осознание полного провала. И затем — холодный камень площади, одиночество и понимание, что новый хозяин мира вышел из ворот, чтобы жечь живых людей ради демонстрации власти.

Эта волна чистого, дистиллированного отчаяния и бешенства ударила в нее тараном.

Милана приняла удар. Она открыла свои внутренние шлюзы, позволяя этому цунами течь сквозь нее. Энергия Дрейка была подобна раскаленной плазме. Она испепеляла собственные барьеры целительницы. Шрамы на ее руках лопнули, истекая не кровью, а густым золотистым светом — концентратом всей жизненной силы, накопленной за годы служения поселку.

Этот свет смешивался с черной пустотой в груди Дрейка.

Началась алхимия.

Милана не пыталась «выжечь» скверну. Огнем огонь не лечат. Она начала *замещать* пустоту. Каждую сожженную нить души гвардейца она заменяла золотой нитью своей собственной жизни. Она буквально отдавала ему фрагменты своих воспоминаний, своих привязанностей.

Вот первое утро, когда отец принес ей теплый хлеб. Вот ощущение шерсти щенка на щеке. Вот вкус талой воды весной.

Она заполняла бездну внутри него человеческим теплом. Это был самый запретный аспект ее дара — синопсис, полное слияние душ. Опаснейшая практика Ордена Белого Солнца, за которую полагалось сожжение заживо. Потому что если целитель ошибется хоть на йоту, две личности сольются в одну безумную химера, неспособную отличить свои мысли от чужих.

Милана рисковала осознанно. Она использовала ярость Дрейка как каркас. Она направила его желание убить Элиана, его любовь к мертвому Императору, его инстинкт защищать спину соратника — всё это она вплела в структуру новой ткани, растущей поверх пустоты.

Процесс достиг пика. Свет вырвался из их сплетенных фигур, испарив иллюзорную пустыню вокруг.

А затем наступила тишина.

Милана открыла глаза.

Первое, что она почувствовала — вес собственного тела. Он показался ей неподъемным. Голова гудела, как пустой собор. Во рту стоял привкус железа и пепла.

Она посмотрела на свои руки.

Раны на ладонях затянулись, оставив после себя идеально гладкую, молодую кожу — впервые за двадцать лет шрамы исчезли полностью, забрав с собой всю историю ее прошлых исцелений. Зато новые полосы прочертили ее плечи и ключицы, замысловатым узором уходя под сорочку. Каждая линия пульсировала тусклым внутренним светом, который медленно угасал.

Она перевела взгляд на мужчину на лавке.

Дрейк дышал. Глубоко, ровно, с присвистом здорового, восстановленного организма. Черная скверна исчезла без следа. На месте смертельной дыры розовела молодая, чуть блестящая кожа пересаженного эпителия. Ни единого рубца. Броня на нем тоже изменилась — оплавленные края стали ровными, металл словно заново застыл, запечатывая пробоины.

Воин открыл глаза.

Они больше не горели кровавым безумием. Это были глаза очень уставшего, очень старого человека. Цвета грозового неба перед дождем. Он сел на лавке одним плавным движением хищника, несмотря на недавнюю смерть. Его рефлексy вернулись мгновенно. Оценивающий взгляд прошелся по комнате и остановился на Милане.

Он смотрел на ее изменившиеся руки, на узоры на плечах. Профессиональный взгляд солдата моментально считывал масштаб повреждений. — Сколько? — хрипло спросил он. — Сколько лет жизни ты оставила на моем столе?

Милана попыталась встать. Пол качнулся. Ноги подогнулись. Она упала бы, если бы Дрейк не оказался рядом быстрее мысли. Он подхватил ее, легко, как пушинку, и усадил на стоящий рядом табурет. Его руки, способные дробить камни, поддерживали ее с невозможной осторожностью.

— Не знаю, — тихо ответила она, глядя в пол. — Я никогда... не делала этого целиком. Обычно мы обмениваемся болью. Сегодня мы обменялись сутью.

Она подняла на него взгляд. Теперь, когда связь установилась окончательно, она чувствовала его как продолжение собственного тела. Она знала температуру его крови, ритм сердца и ту титаническую пружину воли, сжатую до предела, что скрывалась за внешней неподвижностью.

— Ты спасла меня, — констатировал он. Это не было вопросом. — Зачем? Ты знаешь, кто я. Беглый мятежник. Тот, чей Император проиграл. За мою голову Элиан даст мешок золота весом с эту гору.

— Элиан может подавиться своим золотом, — отрезала Милана. Впервые за вечер в ее голосе прозвучала сталь. — Вчера вечером мой поселок потерял половину добычи серебра из-за обвала. Мужчины говорят, что гора недовольна. А я знаю, что это неправда. Горы просто старые. Но люди готовы резать друг друга за лишнюю монету, чтобы выжить. Сюда идет зима, какой не было сто лет. А теперь, когда столица сошла с ума, караваны с продовольствием перестанут ходить вовсе. Моим людям нужен защитник. Человек, который понимает разницу между выживанием и скотством. Человек, который знает, как выглядит настоящий враг.

Дрейк слушал внимательно, не перебивая. Его ноздри слегка раздувались, анализируя запахи избушки.

— Я воин, а не пастырь, — наконец произнес он. — Мой меч умеет только разделять. Соединять — это твоя работа.

— Меч бесполезен, если некому держать щит, — парировала Милана. Она пошевелилась, проверяя границы своих новых ощущений. Магический откат накатывал волнами тошноты. — Останься. Перезимуй здесь. Охраняй тропу. Взамен я научу тебя тому, чего не знают боевые магистры столицы. Тому, как чинить то, что сломано изнутри. Твои люди... те, кто пойдет за тобой... они будут возвращаться из боя не трупами, а людьми.

Она говорила правду, но не всю. Был и другой мотив, эгоистичный и пугающий. Прикоснувшись к душе Дрейка, она поняла природу скверны. Это семя. Элиан не просто украл магию, он начал переписывать законы физики этого мира. Чернота, которую она вытащила из груди гвардейца — это метастаз. Если зараженный умирает вдали от алтаря, скверна не исчезает. Она остается в почве, в воде, в воздухе. Она будет распространяться. И единственным способом найти лекарство было держаться поближе к источнику антидота — к самому носителю очищенной крови. Держаться к Дрейку настолько близко, насколько возможно.

Дрейк долго молчал. За стенами избушки выл ветер, швыряя в окно пригоршни снега. Наконец, он кивнул. Это был скупой, точный кивок командира, принимающего диспозицию. — Хорошо, — сказал он. — До весны. Дальше посмотрим, стоит ли твой товар своей цены.

Он отпустил ее плечи. Милана пошатнулась, но устояла.

— Вода в котле, наверное, совсем выкипела, — пробормотала она, пытаясь вернуть себе образ обычной деревенской знахарки. — Надо заварить ивовую кору. У тебя будет жар. Организм примет новую схему дыхания. И сними сапоги, горе-воин, я там мех подпалила, когда тебя ворочала.

Дрейк моргнул, словно просыпаясь от долгого сна. Уголок его губ едва заметно дернулся вверх — первая эмоция, отдаленно похожая на удивление. — Ты разговариваешь со мной, как с нашкодившим ребенком.

— Потому что ты притащил в мой дом имперскую скверну размером с кулак и сделал вид, что это обычный порез, — фыркнула Милана, вешая котел над огнем. — Ложись обратно. И дай мне левую руку.

Он повиновался. Лег на лавку, подложив руки под голову, и наблюдал, как девушка снует по дому. Движения ее стали чуть менее скоординированными, появилась легкая неуверенность

— будто ребенок учится ходить заново. Она заново осваивала собственное тело, баланс которого изменился после столь глубокого обмена.

Она вернулась к нему с миской теплой воды и тряпицей. Осторожно стерла копоть и кровь с его лица.

— Как тебя зовут? — спросил Дрейк, глядя снизу вверх. — Кроме «целительницы».

— Милана, — ответила она, проводя влажной тканью по его жесткой челюсти. — Хотя последние пять лет меня чаще звали «ведьмой», когда я отказывалась выходить замуж за сына старосты.

— Почему отказалась? — Вопрос прозвучал лениво, но внимание воина было собрано в точку. Он сканировал каждое ее микродвижение.

— Он хотел, чтобы я лечила его похмелье и рожала детей в темноте, — спокойно сказала Милана, отжимая тряпицу. — А я хочу увидеть океан. Говорят, вода там уходит за край мира, и нет никакой Бездны, только бесконечная лазурь. Глупо, да? Для ведьмы из каменной щели мечтать о море.

— Нет, — ответил Дрейк. — Это единственная разумная вещь, которую я слышал за последний год.

Он закрыл глаза. Дыхание выровнялось. Жар действительно начал подниматься — целебный сон вступал в свои права.

Милана закончила омовение, укрыла его толстым одеялом из гагачьего пуха, которое берегла для самых тяжелых больных, и подбросила дров в печь.

Она села на пол, прижавшись спиной к теплему боку печки. Усталость навалилась многотонной плитой. Но впервые за долгие годы эта усталость была приятной. Болезненной, разрушительной, но правильной.

Она посмотрела на свои чистые ладони. Страшная цена за спасение одной жизни. Но глядя на спокойное лицо мужчины, чье сердце она запустила заново, переплетя его пульс со своим собственным, она подумала, что, возможно, сделка была выгодной.

За окном продолжала бесноваться Темная Зима, предвещавшая гибель старым порядкам. Но здесь, в четырех стенах, согретых дыханием двух изгнанников, зарождалось что-то новое. Нечто более прочное, чем имперская сталь. Связь, выкованная из боли, света и обещания защиты.

Милана подтянула колени к груди, обхватила их руками и позволила сну забрать ее, зная, что этой ночью никто в Каменных Челюстях не замерзнет и не сойдет с ума от страха. Огромный серый пес кузнеца, тот самый, с которым все началось, подошел из своего угла, тяжело вздохнул и положил массивную голову ей на колени, охраняя покой хозяйки лучше любых стен.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.